

ODYSSEUS

Man in History

Mutual representations
of rituals and religious practices
of adherents of different Faiths

2015–2016

MOSCOW
DMITRY POZHARSKY UNIVERSITY
2017

ОДИССЕЙ

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

Ритуалы
и религиозные практики иноверцев
во взаимных представлениях

2015–2016

МОСКВА
УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО
2017

СОДЕРЖАНИЕ

РИТУАЛЫ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ ИНОВЕРЦЕВ ВО ВЗАИМНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

Лучицкая С. И.

«Три кольца».

Ритуалы и религиозные практики иноверцев:
взгляды с разных сторон 11

Варьяш

И. И. Паломнические практики сарацин

в правовых памятниках

арагонской короны (XIV—XV вв.) 33

Астахов М. А.

Клятвы в дипломатических отношениях арагонской короны

и гранадского эмирата в XIV—XV вв 49

Толан Джон

«Ужасный шум»: звон колоколов

и крик муэдзина в межконфессиональной полемике

на пиренейском полуострове 65

Попова Г. А.

«Свято место пусто не бывает»?

Использование иноконфессионального

сакрального пространства

(пиренейский полуостров, VIII—XIII вв.) 85

Долгополов В. В.

«Твои доктора... согласны с подлинными

католическими докторами» (иудейские учителя

в *adversus judaeos* (XII — нач. XV в.):

статус и способы обозначения)..... 105

Пармонова М. Ю.

Греческие монахи в латинской Италии X в.:

Возможности и пределы адаптации 146

Чумичёва О. В.

Парадоксы «греческой веры»: между исламом,

христианством и языческими традициями 170

Чечик Л. А.

Образы «иудеев» и «мусульман»

в венецианской религиозной живописи

эпохи возрождения 187

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА

СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Избранные песнопения из *symphonia armonie celestium*

revelationum Хильдегарды Бингенской

(пер. и коммент. П. Д. Сахарова) 215

Реутин М. Ю.

Краткий очерк жизни и творчества

Хильдегарды Бингенской 232

Найджел Ф. Палмер

Аллегория и молитва: дом сердца и ковчег добродетелей

в «молитвеннике Урсулы Бегерин» 242

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЯ

Майзульс М. Р.

«Если ты бог — защищайся»:

католические модели протестантского иконоборчества 281

Карло Гинзбург

«Ножницы» Аби Варбурга 349

«ЧУЖАК»

В ОБЩЕСТВАХ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Симона Черутти

Кто такой «чужак» в Европе нового времени? Размышления

о юридических категориях и социальных практиках 380

ИСТОРИК И ВРЕМЯ*Каганович Б. С.*

Переписка О. А. Добиаш-рождественской и Ф. Лота 392

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ*Парамонова М. Ю.*

Бесы и праведники «храма науки»: мемуары а. А. Зимина.

Судьбы творческого наследия отечественных историков
второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич.

М.: Аквариус, 2015 431

Реутин М. Ю.

Там, где рождаются смыслы...

(Бондарко Н. А. Немецкая духовная проза XIII–XV веков:

язык, традиция, текст. Спб.: Наука, 2014)..... 467

IN MEMORIAM

Л. М. Баткин (1932–2016)..... 487

Отто Герхард Эксле (1939–2016)..... 495

Summaries.....516

Об авторах.....523

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

Б. С. Каганович

ПЕРЕПИСКА

О. А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКОЙ И Ф. ЛОТА¹

В своих работах о замечательнейшем русском медиевисте Ольге Антоновне Добиаш-Рождественской мы уже неоднократно писали о ее дружбе с выдающимся французским историком Фердинандом Лотом² и не будем повторять здесь сказанного в них, ограничившись сведениями, необходимыми для понимания материала настоящей статьи.

О. А. Добиаш-Рождественская (1874–1939) получила свое медиевистическое образование на Бестужевских курсах в Петербурге под руководством проф. И. М. Гревса и завершила его в Париже, где она занималась в 1908–1911 гг. и защитила в Сорбонне докторскую работу по истории средневековой Франции. Основными своими французскими учителями Ольга Антоновна всегда называла профессоров Ш.-В. Ланглуа и Ф. Лота, хотя она слушала лекции и других выдающихся ученых. По словам А. Д. Люблинской, «именно комбинация русской и французской школы <...> сделали из О. А. ученого действительно европейского масштаба»³.

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-21-17001 «Россия и Западная Европа: пространство европейской культуры (с начала XVIII века до конца 1920-х годов)».

² См., в частности: *Каганович Б. С.* Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская // *Каганович Б. С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007. С. 85–160 (здесь указана и вся литература предмета); *Он же.* Первая мировая война и русская революция 1917 г. в переписке О. А. Добиаш-Рождественской и Ф. Лота // *Исторические записки.* 2009. Т. 12 (130). С. 218–244.

³ *Люблинская А. Д.* О. А. Добиаш-Рождественская как ученый // *Учен. зап. ЛГУ. Сер. истор. наук. Вып. 12.* Л., 1941. С. 14.

Фердинанд Лот (1866–1952)⁴ — один из крупнейших французских историков-медиевистов первой половины XX в. Автор множества работ по самым разным проблемам французского и общего Средневековья, он был прежде всего замечательным знатоком средневековых источников, тонким филологом и палеографом, мэтром в области хронологии, ономастики, исторической географии и т. д. С 1900 г. Ф. Лот являлся профессором Школы высших исследований (*École des Hautes Études*), с 1909 г. преподавал также в Сорбонне, штатным профессором которой он стал, однако, несколько позже. Признанием научных заслуг Ф. Лота стало избрание его в 1924 г. членом одной из академий, составляющих Институт Франции, — Академии надписей и словесности (*Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*).

По своим взглядам Ф. Лот был, так сказать, либеральным консерватором: убежденным республиканцем старого закала и агностиком, приверженным светскому характеру государства и не питавшим каких-либо симпатий к социализму (судя по письмам, он критически относился и к «левому блоку» Э. Эррио 1924 г., и к правительству Народного фронта 1936 г.).

С Россией Фердинанд Лот оказался связанным благодаря женитьбе в 1909 г. на Мирре Ивановне Бородиной (1882–1957), дочери русского ботаника акад. И. П. Бородина, изучавшей в Париже романскую филологию. О. А. Добиаш-Рождественская дружила с ней и с ее сестрой, выдающимся петербургским историком И. И. Любименко (1878–1959)⁵. М. И. Лот-Бородина была известным филологом-медиевистом, автором многочисленных исследований о французском куртуазном романе и средневековой мистике, хотя нигде не служила и по своему официальному статусу всегда оставалась только «мадам Лот». Сложная и интересная семья Лотов в течение многих лет находилась в центре русско-французских интеллектуальных контактов⁶. Со своими родственника-

⁴ См.: *Perrin Ch.-E. Ferdinand Lot: l'homme et l'oeuvre (1866–1952) // Recueil des travaux historiques de Ferdinand Lot. T. I. Genève-Paris, 1968. P. 1–118.*

⁵ См.: *Каганович Б. С. Между Петербургом и Парижем. Из переписки М. И. Лот-Бородиной и И. И. Любименко // С.-Петербург и Франция: Наука, культура, политика. СПб., 2010. С. 455–473.*

⁶ Незаурядными людьми оказались и три дочери Лотов, которых О. А. Добиаш-Рождественская знала детьми. Старшая из них, сотрудница Национальной библиотеки Ирен Лот-Вильде (1910–1987), была женой русского эмигранта и героя французского Сопротивления Бориса Вильде, расстрелянного

ми в Ленинграде, прежде всего с сестрой Инной, Мирра Ивановна поддерживала тесную связь; в 20-е годы они ездили друг к другу и до конца жизни переписывались, несмотря на все «обстоятельства времени».

Особое место среди русских друзей Лотов занимала О. А. Добиаш-Рождественская. Ф. Лот высоко ценил ум и талант своей русской ученицы, а Мирра Ивановна просто восхищалась ею и видела в ней старшую подругу. Переписка между ними продолжалась около 30 лет. В архиве О. А. Добиаш-Рождественской сохранилось 132 письма к ней Фердинанда Лота⁷ и 50 писем М. И. Лот-Бородиной за 1911–1939 гг.⁸ Переписка с Ф. Лотом велась, естественно, на французском языке, переписка с Миррой Ивановной — на русском. Ответных писем Ольги Антоновны сохранилось гораздо меньше. В составе архива Ф. Лота, переданного в 1981 г. его дочерьми в библиотеку Института Франции (Institut de France), имеется только 27 писем О. А. Добиаш-Рождественской к Ф. Лоту за 1915–1939 гг.⁹ Несомненно, что их было гораздо больше, но судьба остальных ее писем к Ф. Лоту и всех писем к М. И. Лот-Бородиной нам неизвестна.

Эта переписка представляет большой интерес во многих отношениях — она позволяет восстановить ряд деталей творческой биографии выдающихся ученых и ярко отражает их характеры, взгляды на мир, отношение к различным научным проблемам и людям. В более общем плане, в переписке очень отчетливо выразилась, в индивидуальном, конечно, разрезе, ментальность целого поколения русской и французской интеллигенции первых десятилетий XX в. Это переписка близких друзей (хотя и не во всём, особенно в последние годы, единомышленников). Обычное

окупантами в 1942 г. Погиб на фронте и муж второй дочери Лотов, специализировавшейся по испанской истории, Марианны Лот-Ман (1913–2005), многообещающий медиевист Ж.-Б. Ман. Ее младшая сестра Эвелина Лот-Фальк (1918–1974) была известным специалистом по этнографии и религии северных народов.

⁷ Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (далее: ОР РНБ). Ф. 254. Д. 389–392.

⁸ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 394–395. Письма М. И. Лот-Бородиной представлены в архиве далеко не полностью, отсутствуют, в частности, все письма с 1915 по 1930 г. Возможно, что они были изъяты у О. А. Добиаш-Рождественской во время обысков 1929–1930 г. (см. ниже).

⁹ Bibliothèque de l'Institut de France. Ms. 7307. Fol. 146–197.

обращение Лота в начале письма: «Дорогая мадам и друг» (*Chère Madame et amie*) или *Chère Olg'Anton*, письма О. А. начинаются обращением: «Дорогой учитель и друг» (*Cher Maître et ami*) или «Мои дорогие друзья». Письма свидетельствуют и о близком знакомстве обеих семей: не только О. А. прекрасно осведомлена о домашних делах Лотов и с большим участием пишет об их дочерях, которых знала с рождения, но и Ф. Лот неизменно передает приветы и интересуется обстоятельствами мужа¹⁰ и сестры своей корреспондентки.

Переписку эту можно условно разделить на четыре части. Первая охватывает период между отъездом Добиаш-Рождественской из Парижа в 1911 г. и началом Первой мировой войны. К этому времени относятся 28 писем и открыток Ф. Лота 1911–1914 гг. Письма О. А. этих лет не сохранились. Вторую группу составляют письма периода мировой войны и революции 1917 г. Сохранилось 4 письма О. А. Добиаш-Рождественской и 7 писем Ф. Лота за эти годы. Третью и четвертую группы составляет переписка соответственно 1920-х и 1930-х гг. Для 20-х гг. она опять представлена односторонне — 32 письмами Ф. Лота и только одним письмом О. А. Добиаш-Рождественской, черновик которого имеется в ее архиве. Наконец, переписка 30-х гг. содержит 38 писем Ф. Лота и 24 письма О. А. Добиаш-Рождественской (одно в виде копии, сохраненной ею).

Настоящая статья является обзором и опытом анализа этой интереснейшей переписки. Наиболее важные и характерные фрагменты писем приводятся нами в русском переводе. Разумеется, наша статья далеко не исчерпывает богатого содержания этого диалога в письмах, охватывающего три десятилетия.

Выражаю глубокую благодарность моей жене Л. Б. Вольфцун, принимавшей участие в копировании писем О. А. Добиаш-Рождественской в Париже, доктору Аньес Грасфа (*Agnès Gracéffa*) из Лилльского университета, предоставившей недавно автору электронные копии этих писем, что позволило проконтролировать сделанные ранее выписки, Н. А. Елагиной и Е. И. Лебедевой за помощь в прочтении и переводе некоторых трудных мест.

---

¹⁰ Дмитрий Сергеевич Рождественский (1876–1940) — один из крупнейших русских физиков, основатель и первый директор Государственного Оптического института в Ленинграде, академик.

* * *

Письма Ф. Лота, относящиеся к периоду до Первой мировой войны, содержат много сведений о его работе и жизни, о семейных делах, жене, маленьких дочерях. Касаются письма и некоторых событий во французском научном мире,¹¹ в них упоминаются в разных контекстах коллеги Ф. Лота (чаще других — Шарль-Виктор Ланглуа) и его ученики, ставшие впоследствии выдающимися учеными — Ш. Э. Перрен и Р. Фавтье; реже Лот касается текущих политических событий. Бросается в глаза неподдельный интерес профессора к научной и педагогической работе своей ученицы, в частности, к обстоятельствам подготовки и защиты ею магистерской диссертации. Приведем несколько фрагментов из писем Ф. Лота этих лет, важных для понимания его как ученого и человека.

18 июля 1911 г.¹² Лот сообщал Ольге Антоновне о смерти известного медиевиста Огюста Лоньона, занимавшего кафедру в Коллеж де Франс: «Это не был великий ум, отнюдь нет, но в техническом отношении он был несравненным и незаменимым мастером. Его биография необычна: в 20 лет он был рабочим-сапожником и посвящал вечера изучению истории. Старый академик Бартеlemi заметил молодого рабочего, который был его постоянным слушателем в только что основанной *École des Hautes Études*, для занятий в которой не требовалось никаких дипломов и степеней. Через 20 лет он был членом Института <...> Бедье¹³ и Сильвен Леви¹⁴ полагали, что я мог бы заменить его в Коллеж де Франс и что кафедра должна быть преобразована для меня. Я отклонил эти дружеские предложения. У меня было мало шансов, и этот некрополь Коллеж де Франс не соблазняет меня. Предпочитаю томиться на факультете [Сорбонны], у которого все-таки есть будущее»¹⁵.

¹¹ Сообщения Ф. Лота о трениях между медиевистами и новистами на историко-филологическом факультете Сорбонны легли в основу заметки: *Добиаи-Рождественская О. А.* Архивный конфликт в Париже // Научный исторический журнал. 1914. № 3. С. 139–143.

¹² Год в письме не обозначен и устанавливается по содержанию.

¹³ Жозеф Бедье (1864–1938) — крупнейший французской филолог-медиевист, профессор Коллеж де Франс, член Французской Академии.

¹⁴ Сильвен Леви (1863–1935) — выдающийся французский индолог, профессор Коллеж де Франс.

¹⁵ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 392. Л. 19.

Для характеристики исторического мировоззрения Ф. Лота ценно письмо от 20 октября 1912 г., в котором очень ярко выражено его «позитивистское» и, так сказать, философское кредо: «Кончил читать две книги. “Первичные формы религии” Дюркгейма¹⁶ — книга замечательная по форме, логике, самая сильная после “Античного города”¹⁷ — и самая ложная, самая возмутительная как система, которую только можно себе представить. Автор и его ученики — опасны для молодых умов. Они рискуют неминуемо сбить с пути работников [науки].

Напротив, с восхищением завершил чтение 1-й части 1-го тома “Истории древности” Эдуарда Мейера во французском переводе, посвященной эволюции социальных объединений (*groupements*)¹⁸. Читая эту работу, я почти ничему не научился. Чем я восхищаюсь? Я нашел в ней выраженными — к сожалению, порой довольно тяжеловесно и нескладно, — все мысли об истории, людях и эволюции человеческих обществ, которые у меня сформировались за 20 лет. Нет ни одной страницы, под которой я бы не мог и не хотел бы подписаться. Ни с кем я не чувствовал такой тесной идейной близости, как с этим старым немцем, с которым я не знаком и который работает в области, которую я почти не знаю»¹⁹.

Для российского читателя, вероятно, интересны будут упоминания о русских историках, посещавших гостеприимный дом Лотов в южном пригороде Парижа Фонтене-о-Роз (где, кстати, их соседом был выдающийся физик Поль Ланжевэн, с семьей которого Лоты поддерживали дружеские отношения). 23 января 1911 г.: «У нас обедал Кареев. Он расспрашивал меня об организации высшего образования во Франции. Мирра находит его малоинтересным. Он величественный и славный человек, но он удивительно закрыт и остерегается делать о ком-либо неодобрительные и даже одобрительные замечания»²⁰. 20 октября 1912 г.: «Поговорим теперь о Карсавине: моя жена только что прочитала его книгу и в

¹⁶ Точное название этой классической книги: «Элементарные формы религиозной жизни»: *E. Durkheim. Les formes élémentaires de la vie religieuse*. Paris, 1912.

¹⁷ Знаменитая книга Фюстель де Куланжа, вышедшая впервые в 1864 г.

¹⁸ Имеется в виду издание: *Meyer E. Histoire de l'Antiquité*. Т. 1. Paris, 1912.

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 389. Л. 40.

²⁰ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 389. Л. 3. Ср. отзыв М. И. Лот-Бородиной в письме от 13 января 1914 г.: «Кареев <...> завтракал у нас в воскресенье и просидел до 5 часов! Надо сознаться, он мало интересен и уж слишком затянут: ни о ком

большом восторге от нее: она хочет написать большую рецензию в “*Revue de synthèse historique*»²¹. 21 декабря 1913 г.: «Увидим ли мы Его Величество Николая Ивановича?²² Как поживает Гревс? Пергамент?²³ Вы знаете, что весной в Фонтене приезжал Ростовцев, но его принимала только моя жена: у меня были две лекции в Сорбонне <...> То, что Вы пишете о Карсавине, довольно тревожно. Я убежден, что никто не может повлиять на него»²⁴.

В 1911 г. Ф. Лот вместе с женой приезжал в Россию. Ольга Антоновна показывала ему Петербург²⁵. Колоритны его московские впечатления, изложенные в письме к Добиаш-Рождественской от 28 октября 1911 г., через два дня по возвращении во Францию: «Москва, несомненно, самый живописный и занимательный город Европы. Мне кажется, что в ней невозможно соскучиться. По сравнению с ней Петербург все-таки более “столица”, холодная и печальная. Меня обрадовало, что рядом со старым византийским прошлым видны черты современности. Строятся большие дома, склады²⁶ определенно красивее, чем в Париже. Отсутствие знакомых и недостаток времени не позволили мне познакомиться с университетским миром. Я видел университет только снаружи. К счастью, я смог посетить музеи. Коллекция Третьякова произвела на меня сильное впечатление, особенно вещи новейших художников.

Дважды мы были в театре. Сначала в Малом на занимательной пьесе “Жулик”²⁷. Публика немного провинциальная. Зал старый. Актеры замечательные. В *Comédie Française* играют не лучше. Особенно мне понравился Правдин, но, честно говоря, все были хороши. Второй раз мы пошли в Художественный театр

и ни о чем не высказывает своего мнения, только все слушает и предлагает вопросы». (ОР РНБ. Ф. 254. Д. 394. Л. 69).

²¹ Там же. Л. 45. Имеется в виду книга Л. П. Карсавина «Очерки религиозной жизни XII–XIII веков» (СПб., 1912). Ср. в письме от 11 августа 1912 г.: «Мирра должна написать рецензию на книгу Карсавина; я убежден, что она ничего не напишет». (Там же. Л. 62).

²² Н. И. Кареев. Имя и отчество написаны русскими буквами.

²³ М. Я. Пергамент (1866–1932) юрист, профессор Петербургского университета и Бестужевских курсов.

²⁴ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 389. Л. 68–69. У И. М. Гревса и О. А. Добиаш-Рождественской были сложные отношения с Л. П. Карсавиным.

²⁵ По свидетельству ученика, Ф. Лот «был ослеплен величием города, который назывался тогда Петербургом». См.: *Perrin Ch.-E. Ferdinand Lot*. P. 98.

²⁶ В оригинале: les склад.

²⁷ Название приведено по-русски. Автором этой пьесы был И. Н. Потапенко.

на “Вишневый сад” Чехова, о котором Вы нам говорили. Я был совершенно восхищен игрой актеров и постановкой. Пьеса, по правде говоря, не показалась мне особенно новой и оригинальной. Для каждого актера в отдельности можно найти равного во Франции. Станиславский столь же замечателен, как когда-то Февр в Comédie Française или Дьедонне и Гитри. Великолепный актер, играющий старого слугу, напомнил мне чудесного Барре, одного из лучших актеров Comédie Française времен моей молодости²⁸. Но такого ансамбля, я думаю, нет нигде. Конечно, я упустил по меньшей мере половину спектакля из-за языка, но Мирра мне переводила»²⁹.

Приведем, наконец, фрагмент из письма от 21 декабря 1913 г., являющийся, очевидно, ответом на вопрос об отношении Лотов к творчеству Ромена Роллана: «Конечно, мы читали “Жана Кристофа”. Я обратил на него внимание м-ль Бородиной, которая проглотила за неделю 10 томов; она перечитала его в состоянии мадам Лот, если можно так выразиться. Автор — один из моих старых школьных товарищей, но я потерял его из виду несколько лет назад. Он всегда жил очень уединенно, особенно после того, как его оставила жена, дочь лингвиста Мишеля Бреалья, вышедшая замуж за пианиста Корто. Роллан всегда ненавидел парижскую литературную жизнь. Сейчас он живет в Швейцарии. Несколько лет назад я говорил, что его “Жан Кристоф” — единственное французское литературное произведение начала XX века, которое будет жить, все остальное превратится в пыль»³⁰.

Переписка О. А. Добиаш-Рождественской и Ф. Лота периода Первой мировой войны и русской революции подробно рассмотрена и в своих важнейших частях опубликована нами в специальной статье³¹, и здесь мы на ней останавливаться не будем. Своеобразным эпилогом к ней стало письмо Ф. Лота от 21 октября 1920 г., полученное почти через три года после предыдущего, в котором описывались переживания последнего года войны, радость побе-

²⁸ Перечислены известные французские актеры Фредерик Февр (1833–1916), Альфред Дьедонне (1824–1922), Люсьен Гитри (1860–1925) и Леопольд Барре (1819–1899).

²⁹ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 389. Л. 18–19.

³⁰ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 389. Л. 64.

³¹ Каганович Б. С. Первая мировая война и русская революция 1917 г. в переписке О. А. Добиаш-Рождественской и Ф. Лота // Исторические записки. 2009. Т. 12 (130). С. 218–244.

ды, колоссальные потери Франции и тяжелое положение науки и ученых после войны³².

Летом 1921 г. О. А. Добиаш-Рождественская после девятилетнего перерыва вновь приехала во Францию и воочию увидела страшные следы войны на ее земле и в душах ее граждан. Эту поездку она описала в замечательной статье, в которой исключительно ярко проявилась ее любовь к Франции и французской культуре³³.

«Путь, по которому — по следам германской армии — наш экспресс мчал нас к Парижу, замедляя свой бег с приближением к Лану, — одна сплошная руина, сплошная смерть, — читаем в этой статье. — Здесь умерло все: деревья, фабрики, замки и церкви. Сколько гибло здесь людей, об этом уже не скажут напоенные кровью долины — театры великих битв. Но трупы зданий и деревьев — налицо. Они тянутся вдоль железнодорожного пути, и с тем же непрощенным, неутоленным гневом глядит мрачный взгляд “победителя” на картину израненной родной земли: на черные уродливые обрубки — сожженные ядовитыми газами стволы: все, что осталось от буйной зелени вековых лесов; на груды мусора и железа: могилы фабрик; на безмолвные, мертвые склоны, поросшие прежде яблонями и виноградом»³⁴. В статье явственно ощутимы следы писем Ф. Лота и бесед с ним. Несмотря на все потери, понесенные Францией, Ольга Антоновна не теряла веры в ее будущее.

По возвращении О. А. Добиаш-Рождественской в Россию ее переписка с Фердинандом и Миррой Лотами была очень интенсивной. По-прежнему она охватывала широкий круг тем. Значительная часть писем Ф. Лота 1922 г. посвящена изданию во Франции краткого варианта работы Добиаш-Рождественской «Культе св. Михаила в Латинском Средневековье» (1918), подготовленного автором (с русским текстом монографии Лот ознакомился при помощи жены и высоко оценил работу). Первоначально он хотел опубликовать резюме в авторитетном французском научном журнале и обратился к редактору «Revue de synthèse historique» Анри Берру. Когда выяснилось, что текст может быть опубликован не

³² Там же. С. 238–239.

³³ Ср.: *Добиаш-Рождественская О. А.* Впечатления академического Парижа // *Анналы.* 1922. № 1. С. 41–52; № 2. С. 31–40.

³⁴ Там же. № 1. С. 42–43.

скоро ввиду переполненности редакционного портфеля материалами о мировой войне, Лот напечатал его отдельной книжечкой³⁵. «Я хотел бы, чтобы Ваш “Св. Михаил” имел успех! “Дорогой учитель” написал рецензию в “Journal des Savants”», — читаем в его письме от 24 декабря 1922 г.³⁶

В этом же письме находим отзыв о работе знаменитого французского искусствоведа Эмиля Маля и театральные впечатления: «Маль опубликовал большой том о французском искусстве XII века³⁷. Книга очень хорошая. Этот ледяной человек каплю за каплей изливает ту чувствительность, которая в нем есть, в своих трудах — в жизни остается только корка <...> Забыл написать Вам, что приезд Инны заставил нас немного выходить. Сестры время от времени ходят к друзьям или на вечерние спектакли. Сам я на прошлой неделе был в Опере — после восьмилетнего перерыва. Мы были на “Золоте Рейна”. Бошизм либретто отталивает³⁸ <...> Также мы смотрели новый русский театр. Качалов в “Царе Федоре Ивановиче” замечателен. Это напомнило мне Москву одиннадцатилетней давности. Спектакль не привлек большой публики. Места в основном были заняты русскими, число французов, способных следить за пьесой, исполняемой по-русски, очень невелико»³⁹.

Вскоре после избрания академиком (1924) Лот делился впечатлениями с О. А. Добиаш-Рожественской: «Заседания почтенной Академии необыкновенно скучны. В нее вступают во все более и более преклонном возрасте, и каждую пятницу я оказываюсь в обществе старцев, многие из которых удручены своими болезнями. У меня чувство, что когда я вхожу в Институт, я ступаю одной ногой в могилу»⁴⁰.

³⁵ *Dobiache-Rojdestvensky O. Le culte de Saint Michel et le Moyen Âge latin.* Paris, 1922. 72 p. См. письма Лота от 17, 22 и 26 января и от 14 апреля и 18 мая 1922 г. (ОР РНБ. Ф. 254. Д. 390. Л. 1–4; Д. 392. Л. 1–2).

³⁶ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 390. Л. 7. «Дорогой учитель» — Ш.-В. Ланглуа; см. его рецензию: *Journal des Savants*. 1923. № 1–2. P. 39–40.

³⁷ Mâle E. *L'art religieux du XIIe siècle en France. Étude sur les origines de l'icônographie du moyen âge.* Paris, 1922.

³⁸ Бошизм — тевтонство. По свидетельству биографа, Лот любил музыку Р. Вагнера. См.: *Perrin Ch.-E.* Op.cit. P. 99.

³⁹ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 390. Л. 9.

⁴⁰ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 392. Л. 30 (письмо датир. 22 сентября, без указания года).

В одном из писем середины 20-х гг. Лот благодарил О. А. за книгу «о средневековой палеографии»⁴¹ и спрашивал: «Книга о Ричарде Львиное Сердце большая? Не следует ли перевести ее на французский язык?»⁴². В этом же письме он сообщает: «В четверг он [Ланглуа — Б. К.] пригласил нас послушать “Золотой петушок” в исполнении труппы Шаляпина. Л[англуа] без ума от русских спектаклей: он посещает их уже 4-й раз!.. Конечно, в этот вечер мы говорили о Вас. Он завидует Мирре, которая весной должна ехать в Россию»⁴³.

2 июня 1925 г. Ф. Лот писал О. А. Добиаш-Рождественской о ее бывшем студенте В. Н. Лосском⁴⁴: «Володя прелестный юноша, старательный, внимательный, скромный, немного застенчивый — я не видел, чтобы он по-настоящему общался со своими французскими товарищами. Мы пригласили его в Фонтене и рассчитываем скоро увидеть его у себя. Я часто разговариваю с ним о Вас»⁴⁵.

Единственное сохранившееся письмо О. А. Добиаш-Рождественской к Ф. Лоту 1920-х гг., датированное в черновике, сохранившемся в ее архиве, 17 августа 1925 г., также в значительной степени посвящено ее русским ученикам и коллегам. Прежде всего она благодарит своего учителя «за поддержку, которую Вы, при моем посредничестве оказали г. Федотову (благодаря этой поддержке и поддержке г. Ланглуа Федотов уже получил французскую визу и надеется выехать через несколько недель)»⁴⁶. Сообщая Лоту о работе по описанию каролингских рукописей Публичной библиотеки, Ольга Антоновна писала далее: «У моего

⁴¹ См.: *Добиаш-Рождественская О. А.* История письма в Средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. Пг., 1923.

⁴² Речь идет о книге *О. А. Добиаш-Рождественской* «Крестом и мечом. Приключения Ричарда I Львиное Сердце» (Л., 1925). В архиве сохранилась машинопись перевода этой книги, выполненного М. И. Лот-Бородиной «Par la croix et par l'éepee. Les Aventures de Richard-Coeur-de-Lion». (ОР РНБ. Ф. 254. Д. 98). Перевод по неизвестным нам причинам опубликован не был.

⁴³ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 392. Л. 4–5 (письмо датир. 10 февраля, без указания года).

⁴⁴ Сын известного русского философа В. Н. Лосский (1903–1958) изучал западную медиевистику в Петербургском университете до высылки семьи Лосских из России в 1922 г. В 1924–1927 гг. он учился в Сорбонне; впоследствии крупный православный теолог и историк религиозной мысли, писавший на французском языке.

⁴⁵ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 390. Л. 25.

⁴⁶ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 269. Л. 2.

ученика Бахтина, который изучал наши “корбийские” рукописи и факсимиле, бывшие в его распоряжении, есть очень удачные соображения относительно некоторых — конечно, второстепенных — проблем корбийского письма (это очень одаренный и очень ревностный палеограф — к сожалению, он учился палеографии только у меня). В ожидании возможности — несомненно, очень отдаленной — получить командировку за границу, где он мог бы основательно изучить этот вопрос и вообще завершить свою подготовку палеографа, мы должны так или иначе двигать работу по нашему описанию»⁴⁷. «Я хотела немного рассказать Вам о наших работах и познакомить Вас с именем моего дорогого ученика Бахтина в надежде, что когда-нибудь он приедет почерпнуть из источника медиевистической науки, и вы познакомитесь, — продолжала она. — Он менее тонок и менее “идеалист”, чем Володя, но более сильный, более инициативный и оригинальный, он работает систематически и точно. Его ценные качества, к сожалению, не были развиты углубленной и богатой культурой в смутные годы, когда он учился»⁴⁸.

Отвечая на это письмо, Ф. Лот писал О. А. Добиаш-Рождественской 29 ноября 1925 г.: «В Сообщениях (*Compte rendus*) Академии (бюллетень от июня–августа р. 183–186) Ланглуа сообщил о результатах изучения западных рукописей в ленинградской библиотеке. Сообщение вызвало интерес. Тот же Ланглуа преодолел трудности для въезда во Францию г. Федотова. Конечно, я тоже поставил свою подпись. Ф[едотов] нанес нам визит и посещает мои лекции в Ecole. Это приятный, застенчивый человек, внешне похожий на “клерка”. Молодой Лосский приехал в Париж. Он пропустил в июле последний экзамен в Сорбонне»⁴⁹.

Эти письма, как видим, проясняют детали эмиграции во Францию замечательного русского медиевиста и мыслителя Г. П. Федотова, состоявшейся при содействии Лота и Ланглуа, которым его рекомендовала О. А. Добиаш-Рождественская, а также содержат интересную характеристику одного из ее лучших учеников В. В. Бахтина⁵⁰.

⁴⁷ Там же. Л. 3.

⁴⁸ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 269. Л. 4.

⁴⁹ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 390. Л. 31.

⁵⁰ Ср.: Каганович Б. С. Первые шаги Г. П. Федотова в эмиграции // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX века. СПб., 1996. С. 179–183. О трагической судьбе Бахтина см.: Вольфцун Л. Б. Невзошедшая

6 февраля 1926 г., получив сообщение о намечавшейся поездке Ольги Антоновны во Францию, Лот писал ей: «Дорогой друг, мы получили два Ваших последних письма. Они восхитительно абсурдны! Как можете Вы испытывать столько терзаний из-за такой простой вещи? Конечно, я схожу в кооперативный банк, чтобы облегчить Вашу поездку»⁵¹.

В этом же письме он высказывался по поводу одной из палеографических работ О. А. Добиаш-Рождественской: «Я должен начать свое письмо с благодарности. Спасибо за Вашу статью о генезисе так называемого готического письма»⁵². Она — плод концентрированного опыта и подлинно научного воображения. Я дважды внимательно прочитал ее. Однако она меня не убедила. Я полагаю, что крупное (*grosse*) каролингское письмо содержит в себе зародыш готического <...> Но я не считаю себя палеографом и не возражаю против Вашей теории <...> Я обратил внимание на Вашу статью моего нового коллеги Самарана⁵³, который — наконец-то! — вводит сейчас в Ecole научное, методическое преподавание палеографии.

Ваш этюд погружает в поэтическую атмосферу, которая делает чтение захватывающим. Это же поэтическое воображение преобразует в Ваших воспоминаниях занятия очень часто скучные и тусклые. Почтенный профессор, ворчливый, седой и лысый, возящийся с объяснением скучнейших текстов, становится львом, зверем из Апокалипсиса. Я не узнаю себя в этом портрете, но очень польщен и тронут. Ваша дружба накладывает сияющие краски на серые будни»⁵⁴. Вероятно, имелись в виду мемуарные места в не дошедшем до нас поздравительном письме Ольги Антоновны к 60-летию Ф. Лота.

Летом 1926 г. О. А. Добиаш-Рождественская совершила с мужем поездку в Германию и во Францию. Поездка была несколько

звезда: Всеволод Владимирович Бахтин (1901–1951) // Вольфцун Л. Б. От Корбийского скриптория до Века Просвещения. СПб., 2008. С. 18–66.

⁵¹ ОР РНБ. Ф.254. Д.390. Л.35.

⁵² Речь идет о статье в сборнике, посвященном Лоту: *Dobiache-Roждественky O. Quelques considérations sur les origines de l'écriture dite «gothique»* // *Mélanges d'histoire du Moyen Age offerts à M. Ferdinand Lot par ses amis*. Paris, 1925. P. 691–721.

⁵³ Шарль Самаран (1879–1982) палеограф и историк, с 1927 г. профессор Ecole des Hautes Etudes, позднее академик и генеральный директор французских архивов.

⁵⁴ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 390. Л. 35.

менее продолжительной, чем в 1921 г., но не менее насыщенной и важной в научном отношении⁵⁵.

Интересны и характерны следующие строки в письме Ф. Лота от 8 августа 1926 г.: «Вероятно она [М. И. Лот-Бородина — Б. К.] уже написала Вам, чтобы Вы не огорчились по поводу К[арсавина — Б. К.]. Если он хочет приехать с семьей в Париж, то, как Вы правильно полагаете, я не сделаю ничего, что могло бы повредить ему, наоборот. Он волен предпочитать Германию Франции, но должен понимать, что и я волен не встречаться с ним. Русские воображают, что они могут предаваться всевозможным экстравагантностям в частной и общественной жизни без того, чтобы это как-то отразилось на личных отношениях. Я приму немца, который во время войны с оружием в руках воевал против моей страны, но не приму русского, который в критический момент захотел повредить моей стране — и своей тоже — своим легкомыслием и паясничаньем. Хватит об этом несчастном. Не будем больше говорить о нем»⁵⁶. Вероятно, речь идет о каких-то высказываниях склонного к парадоксам Л. П. Карсавина, покоробивших французский патриотизм Ф. Лота.

25 декабря 1926 г. Лот сообщал О. А. Добиаш-Рождественской: «Ланглуа сказал мне, что в следующем году он собирается поехать в Россию. Вы будет иметь удовольствие встретиться со своим дорогим учителем...Г-жа Ланглуа и он не знают русского языка и Вы должны будете водить их как детей»⁵⁷. Поездка эта состоялась в 1928 г., О. А. была гидом супругов Ланглуа по Ленинграду и северным русским городам, которые произвели на гостей сильнейшее впечатление⁵⁸.

В письме от 12 июня 1927 г. Ф. Лот довольно подробно описывал О. А. Добиаш-Рождественской свою поездку для чтения лекций в Румынию с попутными остановками в Вене, Будапеште и Праге, которая понравилась ему больше всего⁵⁹.

Не лишено интереса и несколько ворчливое замечание Ф. Лота о «русской натуре». М. И. Лот-Бородина и ее сестра И. И. Люби-

⁵⁵ См.: *Добиаш-Рождественская О. А.* Сообщение о заграничной поездке (в Берлин и Париж) в 1926 г. // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 50.

⁵⁶ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 390. Л. 41.

⁵⁷ Там же. Л. 47.

⁵⁸ См.: *Чехова Е. Н.* Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 479. Л. 81–82.

⁵⁹ ОР РНБ. Д. 392. Л. 15–18 (год в письме не проставлен, устанавливается по содержанию).

менко с молодых лет дружили с писательницей О. Д. Форш, которая в 1927 г. приезжала во Францию и гостила у Лотов. 26 декабря 1927 г. Ф. Лот писал О. А. Добиаш-Рождественской: «Пребывание у нас — сначала в Фонтене, а потом в Люшене — Ольги Форш наполнило наш дом на несколько месяцев русским весельем и русской фантазией. Но эта же русская фантазия помогла ей забыть своих французских друзей после шести недель, проведенных в Италии у Горького»⁶⁰.

В письме от 30 мая 1928 г. Лот делился новостями: «Она [Мирра Ивановна — Б. К.] погрузилась в изучение средневековой теологии и философии. Она слушает курс Жильсона в Сорбонне. Там она встретила Володю Лосского, который изменил истории ради философии. Ваш ученик женится на прелестной молодой еврейке, обратившейся в православие⁶¹. В воскресенье жених с невестой и г-н и г-жа Лосские пили чай у нас. Я не мог видеть их, потому что уже две недели лежу в постели, простудившись на ледяном ветру при выходе из Академии. Счастливы люди, у которых есть автомобиль!»⁶².

Летом и осенью 1928 г. Мирра Ивановна со старшей дочерью Ирен ездили в Россию и много общались с петербургскими друзьями. 5 ноября 1928 г. Ф. Лот благодарил Ольгу Антоновну «за прием, оказанный Вами и Вашими близкими моей дочери Ирен и ее матери. Девочка хранит незабываемые воспоминания о вашем прекрасном городе и старых парках, окружающих его. Теплая русская сердечность отогрела эту сдержанную, застенчивую, порой даже нелюдимую натуру. Опасаюсь даже, что какое-то время ей будет трудно вновь войти во французскую жизнь»⁶³.

30 марта 1929 г. Лот писал О. А. Добиаш-Рождественской, познакомившей его с материалами своей работы об одной из рукописей Публичной библиотеки: «Петербургская рукопись кажется мне очень древней. Глоссы на полях, вероятно, принадлежат самому Кассиодору. Но мне нужна фотография. Я покажу ее Шателену⁶⁴ и Самарану. Ваша статья может быть и очень хорошей, и очень

⁶⁰ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 390. Л. 54–55.

⁶¹ В 1928 г. В. Н. Лосский женился на М. И. Шапиро (1905–1968), происходившей из состоятельной еврейской семьи, которая проживала до революции в Петербурге.

⁶² ОР РНБ. Ф. 254. Д. 390. Л. 58–59.

⁶³ Там же. Л. 63.

⁶⁴ Эмиль Шателен (1851–1933) — французский филолог и палеограф.

новой»⁶⁵. Статья О. А. Добиаш-Рождественской, посвященная этой рукописи, была опубликована в следующем году⁶⁶.

Основная тема письма Лота от 21 июля 1929 г. — внезапная смерть Шарля-Виктора Ланглуа, скончавшегося 25 июня 1929 г. «Смерть Ланглуа для всех нас была как удар грома. За три дня до кончины он был в Институте. Он казался только усталым, подавленным и нервным. Сердечный кризис унес его за несколько часов. Похороны были очень простые. По его желанию не было ни речей, ни церемоний. Я не мог присутствовать, так как был прикован к постели радикулитом, не позволявшим мне двигаться. Жена два дня скрывала от меня его кончину»⁶⁷. О. А. Добиаш-Рождественская посвятила памяти Ланглуа проникновенную некрологическую статью, опубликованную почти через 60 лет⁶⁸. В этом же письме Лот поздравлял О. А. с выходом подготовленного ею каталога древнейших латинских рукописей Публичной библиотеки⁶⁹. Через месяц он писал об этом издании: «Каталог петербургских рукописей, выполненный с замечательной тщательностью, должен быть известен ученой публике Франции. Могу ли я просить Вас прислать в дар экземпляры в Национальную библиотеку, в Сорбонну, Омону⁷⁰, в Академию надписей?»⁷¹.

Поздним летом и ранней осенью 1929 г. состоялась третья и последняя поездка Рождественских на Запад после 1917 г. На этот раз они были в Париже недолго, и, надо думать, О. А. рассказала своим друзьям о резком ухудшении обстановки в Советской России и о собственных «неприятностях»: в ноябре 1928 г. по делу религиозно-философского кружка «Воскресение» был арестован ее близкий ученик В. В. Бахтин, за которого она тщетно пыталась заступиться. 24 декабря 1928 г. состоялся обыск у нее самой,

⁶⁵ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 390. Л. 67.

⁶⁶ См.: *Dobiache-Rojdestvensky O. Le Codex Q. v. I. 6–10 de la Bibliothèque Publique de Léningrad // Speculum. 1930. Vol. V. № 1. P. 21–48*; Ср.: *Добиаш-Рождественская О. А. Мастерские письма на заре западного средневековья и их сокровища в Ленинграде. Л., 1930. С. 12–18.*

⁶⁷ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 390. Л. 70–71.

⁶⁸ *Добиаш-Рождественская О. А. Культура западноевропейского средневековья. Научное наследие / Сост. Б. С. Каганович. М., 1987. С. 221–223.*

⁶⁹ *Les anciens manuscrits latins de la Bibliothèque Publique de Léningrad. I. I–VII siècles. Léningrad, 1929.*

⁷⁰ Анри Омон (1857–1940) — французский филолог и палеограф.

⁷¹ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 390. Л. 76 (письмо от 25 августа 1929 г.).

за которым последовали два других, была конфискована часть ее переписки (часть она потом сожгла сама), несколько раз ее вызывали на допросы в ленинградское ОГПУ. Очевидно, Добиаш-Рождественскую собирались привлечь по одному из фабриковавшихся тогда дел против «буржуазной интеллигенции». Арестована она всё же не была (вероятно, сыграло роль положение ее мужа: как директор Оптического института Д. С. Рождественский был связан с руководителями советской промышленности и военного ведомства), но вынуждена была покинуть университет и осталась только ученым консультантом Рукописного отдела Публичной библиотеки⁷².

25 декабря 1929 г. Ф. Лот писал О. А. Добиаш-Рождественской: «Вы — лучшая из друзей. Ваши письма проникают нам прямо в сердце. Они — бальзам, который смягчает наши моральные раны этого года, столь тяжелого для всех нас... Может ли быть, что мы больше не увидимся? Я не могу поверить в это. Наша страна так нужна Вам для ваших работ!»⁷³.

Начинались 1930-е годы, еще более сложные и трагические, чем 1920-е. На переписку О. А. Добиаш-Рождественской с парижскими друзьями в это время глубокую тень накладывает тема болезней — с начала 30-х тяжело болеет сестра Ольги Антоновны Мария Антоновна Добиаш, жившая с Рождественскими (она была частично парализована после удара); в 1932 г. умирает их брат А. А. Добиаш; у самой Ольги Антоновны развивается болезнь сердца (вероятно, сказались события «великого перелома» 1929–1930 гг.) и т. д.

В письме от 23 июня 1930 г. Ф. Лот, сообщая о состоянии Мирры Ивановны, потрясенной смертью своего отца после тяжелого инсульта, замечал: «Более счастлив был наш друг Ланглуа, скончавшийся год назад! Я предполагал написать его биографию. Но после долгого искушения отказался от этого. Его преемники в Институте и Архиве смогут описать его научную деятельность. Но сказать о нем по-настоящему как о человеке невозможно. Его коллеги, его семья настолько привержены условностям, что они не простят того, кто позволил бы себе показать эту столь сложную личность в игре света и теней, что одно только позволило бы впол-

⁷² См.: Каганович Б. С. Русские медиевисты первой половины XX века. С. 120–123.

⁷³ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 390. Л. 81–82.

не понять ее»⁷⁴. В этом же письме читаем: «Мы потеряли надежду увидеть Инну, даже Диму»⁷⁵.

Но, конечно, болезни и смерти — не единственная и не главная тема переписки Добиаш-Рождественской и Лота в эти годы.

В конце 20-х гг. О. А. Добиаш-Рождественская подготовила для издания во Франции сборник поэзии вагантов с прозаическим переводом их стихотворений на французский язык, обширным историко-литературным введением и комментариями. Редактором книги был Ф. Лот, снабдивший ее своим предисловием. Из писем Лота 1930 г. видно, как внимательно следил он за печатанием этой книги (читал и пересылал ее корректуры, вел переговоры с издательством «Ридер» («Rieder»), а до того, несомненно, тщательно отредактировал французский текст). Книга вышла в свет в 1931 г.⁷⁶

Позднее Ф. Лот регулярно информировал О. А. Добиаш-Рождественскую о рецепции этой книги во Франции. 30 марта 1932 г. он писал О. А.: «Забыл сказать Вам о Ваших “Голиардах”. Одна из причин их малого успеха во Франции — у критиков — ибо публика их неплохо покупает — то, что они вышли в специфически антихристианском издательстве. Эта марка определенно вредит Вам»⁷⁷. Заметим, что издательство «Ридер» имело репутацию левого, но едва ли может быть названо «специфически антихристианским». 17 июля 1932 г.: «Ваша книга имела порядочный успех у французской публики. Зимой служащий издательства Ридер сказал мне, что коммерческая продажа шла неплохо. Учитывая теперешний кризис — это очень приятно»⁷⁸. 31 декабря 1932 г.: «В последнем номере “Romania” есть несколько красноречивых строк о Ваших “Голиардах”. Я тем более рад этому, что никак не побуждал автора рецензии М. Рока писать о Вашей работе»⁷⁹.

Интересны и суждения об этой книге М. И. Лот-Бородиной. 12 июля 1930 г. она писала О. А. Добиаш-Рождественской: «Ра-

⁷⁴ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 391. Л. 6.

⁷⁵ Там же. Л. 7. Дима — муж Инны Ивановны В. Н. Любименко (1873–1937), ботаник, член-корреспондент АН СССР.

⁷⁶ Les Poésies des Goliards / Groupees et traduites avec le texte latin en regard par O. Dobiache-Rojdestvensky. Préface de F. Lot. Paris, Ed. Rieder, 1931. 272 p.

⁷⁷ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 391. Л. 38 об.

⁷⁸ Там же. Л. 43.

⁷⁹ Там же. Л. 47. Марио Рок (1875–1961) — крупнейший французский филолог-медиевист.

дуюсь тому, что скоро познакомлюсь с Вашими “Голиардами”, несмотря на то, что не люблю этот средневековый жанр»⁸⁰. 25 августа 1930 г.: «Надеюсь, что “Голиардами” Вы вполне довольны; я нахожу, что написана книга во всех смыслах мастерски, а ведь я — в литературном отношении очень требовательна и до известной степени могу судить и о научной стороне; по-моему, она даже слишком добросовестна для французской читающей публики, но это едва ли недостаток»⁸¹. Отметим, что ссылки на эту книгу встречаются во многих позднейших западных работах⁸² и что она была переиздана в 1984 г. в Монреале.

17 июля 1932 г. Лот вновь пишет о покойном Ланглуа: «То, что Вы воображаете по поводу Ланглуа, — фантастично. Что касается молчания его детей, — здесь нет ничего удивительного. Отец был им почти чужд. Образцом для подражания был только Бертело⁸³. Ни один из сыновей наверняка не прочитал ни одной строки, написанной их отцом. Это удерживает меня от того, чтобы посылать им мою книгу “Первый бюджет французской монархии. Общий расчет на 1202–1203 гг.”, которая только что вышла и посвящена памяти их отца»⁸⁴.

Ф. Лот сообщал О. А. Добиаш-Рождественской о своей работе над большими книгами по истории Средних веков, которые он начал писать с середины 1920-х гг. для различных серийных изданий, благодаря чему его имя приобрело известность за пределами узкого круга специалистов. Много места, как всегда, отводится личным темам. Так, 31 декабря 1932 г. Лот писал Ольге Антоновне, что в следующем году Мирра Ивановна собирается приехать в Ленинград повидаться с родными и друзьями, и что сам он занят теперь редактированием французского текста книги Инны Любименко о торговых отношениях России и Англии в XVI–XVIII вв.: «Работа

⁸⁰ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 395. Л. 4.

⁸¹ Там же. Л. 7.

⁸² См., напр.: *Curtius E. R. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*. Bern, 1948. S. 132; *Le Goff J. Les intellectuels au Moyen Age*. Paris, 1957. P. 37, 189.

⁸³ Ш.-В. Ланглуа был женат на дочери крупного французского ученого-химика и политического деятеля Марселена Бертело, дети которого играли видную роль в общественной и политической жизни Третьей Республики.

⁸⁴ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 391. Л. 42. Речь идет о книге: *Lot F. et Fawtier R. Le premier budget de la monarchie française. Le compte général de 1202–1203*. Paris, 1932.

интересная, но написана вычурным и часто не вполне правильным языком»⁸⁵.

Начиная с 1933 г. в архиве сохранились также письма О. А. Добиаш-Рождественской к Ф. Лоту, и переписка таким образом становится двусторонней. Первое из этих писем О. А. написано 16 февраля 1933 г., через несколько месяцев после смерти ее брата Александра Антоновича. «Работа все-таки идет. В ней отчасти забываешь то, память о чем будет отравлять всю мою оставшуюся жизнь. Кончина и страдания моего брата навсегда пронзили мою душу. Они унесли всю радость и веру. Думать, говорить об очень глубоких вещах, читать книги по философии и религии для меня теперь невыносимо. Это лишает меня остатков душевного равновесия. Не знаю, окончательно ли это состояние. Но оно стойкое и бесконечно мучительное»⁸⁶.

Далее О. А. пишет о завершении работы над книгой по истории Корбийской мастерской письма и о трудностях, возникших с ее публикацией: «Я привела свою работу в относительно законченное состояние. Говорю “относительно”, поскольку поездка в Париж и Амьен практически нереальна и моя программа ограничилась рамками: “История Корби до 850 года в отражении ленинградских кодексов”. Корпус факсимиле, который я только что собрала в пяти экземплярах для пяти больших библиотек и который поглотил все наши деньги, включает 31 корбийский кодекс <...> Текст, составляющий около 160 страниц, несомненно, не будет напечатан типографским способом. Его нужно перепечатать на машинке тоже в пяти экземплярах, чем я сейчас сама и занимаюсь (по два раза, в 3-х и 2-х экземплярах), поскольку не могу доверить эту работу машинистке». Книгу готов был издать ученый бенедиктинец

⁸⁵ Там же. Л. 46–47. Имеется в виду книга: *Lubimenko Inna. Les relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand. Paris, 1933.*

⁸⁶ Bibliothèque de l'Institut de France. Ms. 7307. f. 163. Через несколько лет, 19 сентября 1936 г., О. А. Добиаш-Рождественская писала своему учителю И. М. Гревсу о смерти брата, «унесшей как будто в буре то, что *было*, но что — очевидно — уже и было сильно разрушено необычным опытом нашей жизни <...> Я не верю более в личного бога ни как в существо, ни как в “правящую силу” — личную, ни вне мира, ни разлитую в мире <...> Я не верю более в бессмертную личную душу <...> Я не верю ни в какой абсолют» (*Добиаш-Рождественская О. А. Культура западноевропейского средневековья. С. 271*). М. И. Лот-Бородина в отличие от своего мужа была религиозным человеком, и такие признания глубоко волновали ее.

Ф. Шмитц, редактор «Revue Benedictine», очень ценивший работы О. А. Добиаш-Рождественской, но она, учитывая обстановку в стране, отказалась от этого предложения⁸⁷.

С 1933 г. в переписке Добиаш-Рождественской с Лотами появляется имя ученицы Ольги Антоновны талантливой исследовательницы и поэтессы Раисы Блох (1899–1943), жившей с 1922 г. в Берлине и перебравшейся после установления гитлеровского режима в Париж⁸⁸. Лоты всячески опекали и поддерживали ее⁸⁹.

Между тем летом 1933 г. советские «компетентные органы» отказали М. И. Лот-Бородиной во въездной визе в СССР. 21 июля 1933 г. Ф. Лот писал О. А. Добиаш-Рождественской, что его жена находится «в состоянии прострации», и хотя дальнейшие хлопоты возможны (поскольку ее просьбу поддерживает французское Министерство иностранных дел и советское консульство в Париже дает ей положительную аттестацию), не ясно, имеет ли смысл их продолжать⁹⁰.

Большое письмо О. А. Добиаш-Рождественской к Ф. Лоту от 11 августа 1933 г. касается многих тем. Мы узнаем из него, что Рождественские пытались помочь М. И. получить визу: «Два часа назад я получила письмо от Вашей свояченицы. Она пишет, что подруга мадам Форш, которая в эти дни наводила справки в Москве, узнала, что если академик, принимающий Вашу жену, возобновит ходатайство, то оно, вероятно, будет удовлетворено (кажется, что просьбы ваших учреждений возымели желательный эффект). Инна Ивановна написала своему мужу, работающему сейчас в Киеве, чтобы он предпринял этот демарш. Одновременно мой муж, чтобы не терять шанса на ускорение дела, направляет аналогичное ходатайство, указывая, что М. И. будет также и его

⁸⁷ Bibliothèque de l'Institut de France. Ms.7307. f. 163–164.

⁸⁸ Ранее оно упоминалось в пересланном Лотом Добиаш-Рождественской письме к нему администратора парижского издательства «Ридер» от 2 декабря 1931 г. по поводу гонорара за «Голиардов». В нём сообщалось, что «сумма в 364 франка, которую мадам Добиаш просила меня перевести на имя мадемуазель Блох, была ей отправлена». (ОР РНБ. Ф. 254. Д. 391. Л. 36).

⁸⁹ См.: *Воронова Т. П.* Раиса Блох — русская поэтесса и историк западного средневековья (из переписки с О. А. Добиаш-Рождественской) // Проблемы источниковедческого изучения истории русской и советской литературы. Л., 1989. С. 54–85; *Каганович Б. С., Вольфцун Л. Б.* Раиса Блох в 1930-е годы. Новые материалы // Ежегодник Дома русского зарубежья. 2014–2015. М., 2015. С. 606–621.

⁹⁰ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 391. Л. 49.

гостьей и выступая в качестве поручителя. Несомненно, что г. Любименко не замедлит со своим ходатайством. Вероятно, если не очевидно, что на этот раз разрешение будет дано. Теперь все зависит от решения и сил М. И. Сестра ей написала и я тоже. Конечно, следует дождаться формального ответа. Поэтому сейчас я не буду больше говорить об этом. Жду с волнением»⁹¹.

Затем О. А. переходит к своей книге: «Спасибо, огромное спасибо за то, что Вы думали о моем дорогом (и проклятом) Корби. Недалек день, когда я завершу свои пять экземпляров (запас хорошей бумаги, которой я располагаю и которую передал мне мой бедный брат за месяц до смерти, не позволяет мне большее число) <...> Пять альбомов, содержащих по 96 фотографий каждый, готовы и переплетены. Мадам Шишмарева украсила скромный переплет монограммой CL (Corbeienses Leninopolitani) в корбийском стиле VIII века»⁹².

Ф. Лот неоднократно выражал убеждение, что для воссоздания полной истории Корбийской мастерской письма необходимо тщательное изучение рукописей, находящихся во Франции. О. А. Добиаш-Рождественская в принципе была согласна с ним и замечала,

⁹¹ Bibliothèque de l'Institut de France. Ms. 7307. ff. 165–166.

⁹² Там же. ff. 167–168. Ср. рассказ друга Д. С. Рождественского К. К. Баумгарта об изготовлении альбомов, после того как стало ясно, что они не будут изданы типографским способом: «Дмитрий Сергеевич пришел ей [О.А. — Б. К.] на помощь и предложил самим составить пять альбомов рисунков. Это и было выполнено. В фотолaborатории Академии наук было приготовлено от 5 до 10 экземпляров каждой иллюстрации. Из них отобрали пять лучших, и собрали пять толстых альбомов в папки подходящего цвета и размера, и Д. С. и О. А. сами расклеили фотоснимки самым красивым образом. Затем все пять альбомов были переплетены в суровый холст, и друг О. А. художница Т. В. Шишмарева написала орнамент на переплетах. В основе каждого орнамента лежали две большие буквы С. L. (Corbeienses Leninopolitani) — ленинградские корбийские рукописи. Буквы были сделаны красной киноварью в стиле корбийского письма. Вокруг них шел цветной рисунок. Альбомы получились совершенно необыкновенные. Пять произведений искусства. Книга О. А. вышла в 1933 г. Все альбомы поступили в Академию наук. Один из них хранится в библиотеке Академии, а четыре были посланы в главные книгохранилища четырех стран: Соединенных Штатов Америки, Германии, Франции и Англии». Цит. по кн.: Воспоминания об академике Д. С. Рождественском. Л., 1976. С. 40 (в издании неправильно указаны инициалы художницы; в письме к автору настоящей работы от 10 октября 1982 г. покойная Т. В. Шишмарева подтвердила, что именно она «по просьбе О. А. копировала в Публичной библиотеке инициалы для нее»).

что главным недостатком своей работы она считает «отсутствие углубленного исследования парижских и амьенских кодексов, что заставило автора ориентировать изложение в соответствии с заглавием: “История Корбийской мастерской с 651 до 830 г. в отражении ленинградских кодексов”». Такое ограничение темы, по мнению автора, было оправдано тем, что «важнейшие рукописи этого периода (за исключением Григория Турского и Библии Маудрамна) находятся в Ленинграде». Другими недостатками работы О. А. называла «лакуны в современной литературе» и «более чем посредственный французский язык», — в обоих случаях это, несомненно, являлось сильным преувеличением⁹³.

«Поездка за границу позволила бы избежать всех этих погрешностей. Но она невозможна для меня. То, что мне удалось осуществить в случае “Голиардов”, работы, которая прошла по поверхности моей души и которую я готовила почти с ненавистью, невозможно для того, что затронуло ее глубоко. Такова ирония судьбы», — с горечью замечала О. А. Добиаш-Рождественская.

В ответном письме от 27 августа 1933 г. Ф. Лот сообщал, что отказ его жене в визе вызвал негодование известного слависта Андре Мазона и что «в советском консульстве М. И. сказали, что они передали в Москву положительный отзыв о ней и что она может возобновить ходатайство, на которое получит ответ через 8 дней. Прошел уже почти месяц, но никакого ответа нет»⁹⁴. В открытке от 22 сентября 1933 г. Лот извещал, что получил рукопись работы Ольги Антоновны о Корби и в то же утро прочитал четверть текста: «Очевидно, что это очень важный текст, плод многолетних трудов»⁹⁵.

9 октября 1933 г. О. А. Добиаш-Рождественская с горечью писала Лоту: «Мы глубоко поражены тем оборотом, который приня-

---

⁹³ Д-р Аньес Грасфа, отвечая на наш вопрос, писала мне 12 мая 2015 г.: «Что касается ее французского языка, то он произвел на меня впечатление, так как она пишет очень хорошо — это касается как графики, орфографии и грамматики, так и стиля. Он очень поэтичен, порой чуть архаичен. Фразы довольно длинные, практические моменты переплетаются в них с личными. Впечатление, что говорит сама ее душа. Выражено все совершенно правильно, кое-где есть небольшие грамматические погрешности, но их очень мало. Кажется, что она с наслаждением пишет по-французски и по-настоящему любит французский язык и французских классических авторов».

⁹⁴ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 391. Л. 52.

⁹⁵ Там же. Л. 56. Книга о Корби была итогом 12-летних изысканий автора.

ло дело с поездкой нашей дорогой М. И. После стольких усилий, предпринятых демаршей, предоставленных гарантий отрицательный ответ был для нас неожиданным и бесконечно огорчительным»⁹⁶. Но в этом же письме она сообщала о радостном событии: «Академия Наук поставила в повестку дня своей осенней сессии мое сообщение о работе по Корби. Мне пришлось в лихорадочной спешке готовить доклад на $\frac{3}{4}$ часа перед общим собранием, от которого зависела судьба работы. Я имела неожиданный успех. Было единогласно принято решение о ее скорейшей публикации. Таким образом, у меня появилась надежда, даже уверенность вскоре увидеть мой труд опубликованным. Я бесконечно удовлетворена этим»⁹⁷. Она вновь высказывает обеспокоенность по поводу своего французского языка и хотела бы, чтобы рукопись с этой точки зрения просмотрели несколько человек. «В случае, если у Ридера есть какие-то деньги для меня, я могла бы доверить их Раичке, которая достаточно умна, чтобы правильно распорядиться ими»⁹⁸.

В открытке от 18 октября 1933 г. Лот приветствовал издание работы в России: «Это наилучшее решение», — и сообщал: «Вчера я передал Вашу рукопись мадемуазель Блох, чтобы она сделала то, что может»⁹⁹. Вероятно, речь шла об уточнении сносок, цитат и некоторых технических деталей.

Возвращаясь к волновавшей ее теме, О. А. Добиаш-Рождественская 1 ноября 1933 г. писала Лоту: «Да, конечно, история Корбийской мастерской без систематического изучения парижских и амьенских рукописей неполна. Автор сознает это. Он предупреждает об этом. Этим объясняется и ограничение исследования периодом до 850 г. и заглавие “История...в отражении ленинградских кодексов”. Оно является и останется неполным, поскольку поездка в Париж, которую Вы называете “абсолютной необходимостью” (может быть, все-таки относительной?) невозможна более для автора. Три года назад, сознавая эту необходимость, я сделала все, чтобы осуществить поездку — безуспешно». В примечании к этому месту Ольга Антоновна объясняет нереальность поездки за границу не только состоянием своего здоровья и невозможностью

⁹⁶ Bibliothèque de l'Institut de France. Ms. 7307. f. 172.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 391. Л. 57.

оставить даже на время тяжело больную сестру, но и причинами иного порядка: «Мы не можем поехать за границу без паспорта и валюты, которые может дать только государство. Короткий отрезок времени, который будет еще долгим (более долгим, несомненно, чем моя жизнь), государство, предпринимающее сверхчеловеческие усилия для строительства новой жизни, будет расходовать валюту (в нашем случае посылать людей за границу) только в жизненно необходимых случаях. Корбийские рукописи и их систематическое изучение не будут сочтены таковыми»¹⁰⁰. Передавая, таким образом, в сверххлояльных выражениях официальную аргументацию, с которой она едва ли могла внутренне примириться, Добиаш-Рождественская давала понять своим друзьям, что больше попасть во Францию ей не удастся.

26 декабря 1933 г., поздравляя Лотов с наступающим Новым годом, О. А. благодарила своего учителя за редактирование французского текста «Корби» («не забывая, конечно, о том, что сделала для этого милая Раичка») и прибавляла: «Я очень рада за бедную Раичку, которая в своей “французской молодости” (хотя она и чуть старше, чем была тогда я) испытывает те же здоровые, сильные и тонкие впечатления»¹⁰¹.

В письме, датированном тем же днем, 26 декабря 1933 г., Ф. Лот сообщал Ольге Антоновне о предстоящем замужестве старшей дочери Лотов Ирен. Впервые в переписке появляется имя Бориса Вильде: «У жениха скромное положение, но оно, несомненно, улучшится, так как он умный и старательный», невеста же, только что начавшая работать в Национальной библиотеке, по его словам, «живет в мире фантазий»¹⁰². «Два раза в неделю я вижу с вашим другом Раичкой, которая сопровождает меня из Hautes Etudes и мы болтаем de omni re scibili et de quibusdam aliis¹⁰³ и, между прочим, о Вас», — продолжал Лот, заверяя О. А., что он сделает всё, от него зависящее, чтобы помочь Р. Блох.¹⁰⁴

8 февраля 1934 г. О. А. Добиаш-Рождественская делилась впечатлениями от уже упомянутой книги И. И. Любименко, вышедшей во Франции: «Я только что приступила к чтению книги Инны

¹⁰⁰ Bibliothèque de l'Institut de France. Ms. 7307. ff. 173–174.

¹⁰¹ Там же. f. 177.

¹⁰² ОР РНБ. Ф. 254. Д. 391. Л. 59. Свадьба Ирен Лот и Бориса Вильде состоялась в июле 1934 г.

¹⁰³ Обо всём, что можно узнать и еще кое о чём (*лат.*).

¹⁰⁴ См.: Воронова Т. П. Раиса Блох... С. 79.

Ивановны и прочла уже довольно много. Читаю с живым удовольствием и большим интересом. Это хорошая книга, которая, несомненно, будет иметь заслуженный успех. Она трактует очень жизненную тему и делает это при помощи хорошего метода и с литературным талантом»¹⁰⁵.

В письме от 29 марта 1934 г., сердечно поздравляя Лотов с серебряной свадьбой, О. А. Добиаш-Рождественская вспоминала прошлое и писала: «Мир изменил свое лицо за эти 25 лет: мировая война, богатая высоким героизмом, полная неслыханных страданий и жестоких преступлений, великая Революция, охватившая шестую часть земного шара и находящая отклики далеко за ее пределами...»¹⁰⁶. Это видение истории, конечно, очень отличалось от прежних высказываний автора, хорошо известных его друзьям.

Ответ Ф. Лота датирован 24 апреля 1934 г.: «Ваше письмо, благоухающее поэзией и нежностью, было большим подарком к нашей серебряной свадьбе. Оно тронуло нас до слез, Миру и меня. Мы не переставали говорить о вас всех, о прошлом. Конечно, к нашему счастью примешивается печаль, связанная с опасением, что мы больше не увидимся. Но не будем неблагодарны судьбе, которая сблизила нас четверть века тому назад...Позволительно надеяться, что когда-нибудь ваше правительство разрешит Вам приехать, чтобы Вы смогли завершить работы о ленинградских рукописях, сопоставив их с рукописями нашей Национальной библиотеки. В глубине сердца я сохраняю эту надежду»¹⁰⁷. Надежде этой, увы, не суждено было сбыться.

В это время в официальном положении О. А. Добиаш-Рождественской произошли некоторые изменения. С осени 1934 г. в Советском Союзе были восстановлены исторические факультеты и часть уцелевших «буржуазных» историков вновь получила возможность работать в высшей школе. 19 октября 1934 г. Ольга Антоновна писала Ф. Лоту, извиняясь за довольно продолжительное молчание: «По правде сказать, никогда в жизни я не была так занята. И хотя я страшно устаю, могу сказать, что, к счастью, мое здоровье не так плохо, как можно было ожидать, как предсказывает мой доктор, который, видя ритм моей жизни, отказывается меня лечить <...> Прежде всего это преподавание, которое я начала в

¹⁰⁵ Bibliothèque de l'Institut de France. Ms. 7307. f. 178.

¹⁰⁶ Там же. ff. 178 bis-ter.

¹⁰⁷ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 391. Л. 61.

двух местах: в Высшем Историко-филологическом институте¹⁰⁸ и на восстановленном историческом факультете Университета. Предпринимаются все усилия, чтобы поднять их на желательную высоту. Между прочим, приглашен и наш старый учитель Иван Михайлович [Гревс — Б. К.]. Меня пригласили преподавать источниковедение и палеографию. И если я согласилась, несмотря на свое состояние и на ожесточенное сопротивление своих близких и врача, то потому, что передо мной открылась поистине заманчивая перспектива, которая иначе была бы упущена»¹⁰⁹.

В ответном письме Ф. Лота от 27 октября 1934 г. читаем: «Ваше письмо одновременно обрадовало и обеспокоило нас. Мы рады, что ваше правительство обратилось к вашим светилам, и беспокоимся, что чрезмерное рвение скажется на Вашем здоровье. Не стоит ли Вам применить к себе глубокомысленных слов Талейрана, обращенных к его сотрудникам: “Главное, господа, поменьше усердия!”»¹¹⁰.

8 ноября 1934 г. О. А. Добиаш-Рождественская писала Ф. Лоту: «Меня воодушевляет, что через месяц лучший из моих учеников, судьба которого глубоко томила меня эти годы, возьмет половину груза на свои молодые плечи (дорогой учитель¹¹¹ знал и ценил его, в 1929 г. он сделал сообщение об одном из его исследований в Академии надписей. С тех пор бедный юноша испытал много неприятностей)»¹¹². В. В. Бахтин в ноябре 1928 г. был арестован за участие в религиозно-философском кружке, приговорен к трем годам заключения в Соловецком концлагере, а затем жил в провинции. Летом 1934 г. благодаря хлопотам О. А. Добиаш-Рождественской он смог вернуться в Ленинград и должен был приступить к преподаванию, но в феврале 1935 г. не по своей воле вновь покинул город и после нового ареста окончательно лишился возможности заниматься наукой.

В конце 1934 г. увидела, наконец, свет монография О. А. Добиаш-Рождественской о Корбийской мастерской письма¹¹³. 24 дека-

¹⁰⁸ Имеется в виду Ленинградский историко-лингвистический институт (ЛИЛИ), который позднее был присоединен к университету.

¹⁰⁹ Bibliothèque de l'Institut de France. Ms. 7307. ff. 179–180.

¹¹⁰ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 391. Л. 64.

¹¹¹ Ш.-В. Ланглуа.

¹¹² Bibliothèque de l'Institut de France. Ms. 7307. f. 181.

¹¹³ *Dobias-Rozdestvenskaia Olga. Histoire de l'atelier graphique de Corbie de 651 à 830 reflétée dans les Corbeienses Leninopolitani.* Leningrad, 1934. 173 p. (книга подписана к печати 4 декабря 1934 г., тираж 1000 экз.).

бря 1934 г. она писала Ф. Лоту: «Сегодня я посылаю Вам свой этюд о Корби, который только что вышел в свет, а послезавтра я позволю себе выслать на Ваше имя в Институт Франции два экземпляра (для Института и для Национальной библиотеки) и экземпляр моего альбома факсимиле, предназначенный для Отдела рукописей Национальной библиотеки. Надеюсь, что милая Раичка не откажется лично вручить этот альбом вместе с исследованием теперешнему администратору Отдела рукописей (это Лоэр?¹¹⁴). Но я хотела бы, чтобы Вы (и мадемуазель Раиса) перед этим взглянули на него и написали о своем впечатлении. Я преодолела невообразимые трудности, чтобы добиться этого». Далее она сообщала: «В эти месяцы я закончила переработку моего учебника палеографии и проредактировала собрание текстов (в русском переводе с комментариями и вводными статьями), относящимися к истории агротехники на средневековом Западе»¹¹⁵.

В последующих письмах Добиаш-Рождественская еще не раз просила Лота передать посылаемые экземпляры «Корби» в различные научные учреждения, редакции журналов и отдельным ученым.

15 января 1935 г., узнав о предстоящей поездке Лота в Рим, писала своему учителю: «В данный момент Вы должны быть в Риме. И мне странно думать о том, что это будет Ваша первая встреча с этим Городом (я трижды была в нем, каждый раз по месяцу), Городом, который остался глубоким впечатлением моей молодости (прошло уже 27 лет с тех пор, больше я его не видела)...»¹¹⁶. В открытке от 17 января 1935 г. она возвращалась к воспоминаниям о «Вечном Городе»: «Я много думала о Вас в Риме, представляя Вас в знакомых местах. Но только я никогда не была в Риме зимой. Я всегда видела и “переживала” его в июне: тяжкую жару Кампаньи, великолепные закаты сквозь арки Колизея, прекрасные утра на Форуме, персики, лимоны и вишни на улице и освежающую прохладу церковью. Все-таки я завидую Вам!»¹¹⁷.

¹¹⁴ Филипп Лоэр (Lauer) (1874–1953) — французский архивист и палеограф.

¹¹⁵ Bibliothèque de l'Institut de France. Ms. 7307. ff. 182–183. См.: Добиаш-Рождественская О. А. История письма в Средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. Изд. 2-е. М.–Л., 1936; Агркультура в памятниках западного средневековья: Переводы и комментарии / под ред. О. А. Добиаш-Рождественской и М. И. Бурского. М.–Л., 1936.

¹¹⁶ Bibliothèque de l'Institut de France. Ms. 7307. f. 184 bis.

¹¹⁷ Там же. f. 185.

Ответное письмо Ф. Лота от 2 февраля 1935 г. было не столь поэтичным. Он сообщал, что в Риме было очень холодно, все время дул северный ветер и город показался ему печальным, а затем переходил к текущим и домашним делам: «В “молодой семье” все благополучно. Ирен мужественно выполняет неблагодарную работу в Национальной библиотеке. Но какая-либо личная работа для нее невозможна, отчасти из-за того, что она не умеет организовать себя. Ее муж серьезно занимается в университете немецкой филологией и литературой, немного подрабатывает в библиотеке. Растущая у нас ксенофобия делает для него невозможным поступление на какую-либо государственную службу. Он мечтает выучить японский язык, очень трудный, здесь его всерьез никто не изучает»¹¹⁸. Далее он писал, что Р. Блох, как и В. Лосский, заняты расписыванием на карточки латинских текстов для нового издания Словаря средневековой латыни Дюканжа, в редколлегии которого Лот состоит, что работа эта оплачивается плохо и что Раиса подрабатывает в качестве секретаря журнала по истории фармацевтики.

В недатированном письме Ольги Антоновны, которое, очевидно, являлось ответом на это письмо Лота, читаем: «Молодой семье я горячо желаю, помимо того чистого, подлинного и несомненного счастья, которое является реальностью их жизни, прочной “материальной базы”, которая несомненно когда-нибудь будет достигнута мужем и облегчит бремя, лежащее на плечах жены и тестя»¹¹⁹. Далее она пишет: «Спасибо за все, что Вы делаете для Раички. Я хорошо понимаю (и она это понимает: в каждом письме ко мне она выражает Вам свою благодарность), что Вы делаете для нее все, что можете, и, может быть, даже больше того. Выплывет ли она, поднимется ли над вспомогательными работами научно-технического характера? Это в большой мере зависит от нее. Я думаю, что всюду, за исключением Америки, занятия медиевистикой недостаточно оплачиваются и поддерживаются. И потому она всюду будет “чужой”, ее участь нигде не будет блестящей. Ей не следовало, конечно, уезжать. Ей было бы лучше здесь. Но что сделано — сделано. Возвращение было бы трудным, даже невозможным»¹²⁰.

¹¹⁸ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 391. Л. 67.

¹¹⁹ Bibliothèque de l'Institut de France. Ms. 7307. f. 197.

¹²⁰ Там же. f. 197 об.

В открытке от 23 февраля 1935 г. Лот сообщал: «Альбом от ленинградской Академии Наук получен. Наш лучший палеограф г. Самаран сразу же начал изучать его»¹²¹. 2 марта 1935 г.: «Вчера я представил нашей Академии Ваше исследование о Корбийской мастерской. Сборник факсимиле, полученный от ленинградской Академии Наук, передан в четверг в Национальную библиотеку. Ваш сборник, пока он находился в Сорбонне, был изучен г. Самараном и его учениками»¹²².

3 мая 1935 г. в письме, адресованном «дорогим друзьям», О. А. Добиаш-Рождественская извещала их, что за последние два месяца тяжелая болезнь сестры изменила всю ее жизнь и не оставляет «ни сил, ни желания много писать». «Нет смысла задерживаться на этих слишком печальных вещах. Скажу только одно. Если смерть брата унесла мою прежнюю веру, то теперь зрелище этой болезни способно исцелить от остатков всякого “идеализма”, всяких иллюзий относительно “бессмертной и личной души”. Натуры, чувствующие потребность в вере, как я, должны строить на другом основании», — писала Ольга Антоновна¹²³. Эти слова помогает понять ее письмо к И. М. Гревсу от 19 сентября 1936 г., в котором читаем: «Отношения общества трудового, социалистического, силу которых, здоровье которых я все глубже чувствую, которые меня все сильнее проникают и мне импонируют, создают наилучшую этику, идут к наивысшему образу “бога живого человека”, идут с блужданиями с ошибками». При этом Добиаш-Рождественская видела возможность слияния лучших элементов «нашего (своего) вчерашнего идеализма» с «кующимся (сейчас оно еще во многом может подрываться жестокостью и захватываться грязными руками), далеко еще не сложившимся мировоззрением, которое лучшие люди на “новых берегах” ищут также и более страстно, чем [мы] искали на старых»¹²⁴.

30 октября 1935 г., когда положение сестры несколько стабилизировалась, и тон письма стал более спокойным, О. А. Добиаш-Рождественская пишет Лоту: «Из газет Вы должны знать, какой подъем, какой великолепный порыв во всех областях одушевляет нашу жизнь. Затем — материальное благосостояние, которое впервые в

¹²¹ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 391. Л. 68.

¹²² Там же. Л. 69.

¹²³ Bibliothèque de l'Institut de France. Ms. 7307. ff. 186–187.

¹²⁴ См.: *Добиаш-Рождественская О. А.* Культура западноевропейского средневековья. С. 271.

истории должно, наконец, стать всеобщим в нашей стране. Наконец, физическое здоровье народа, которое кажется обеспеченным, и замечательная трудовая инициатива, свободный и радостный порыв, физический и моральный»¹²⁵.

Лотов должны были поразить эти просоветские декларации их старого друга. Ведь, помимо всего прочего, они имели перед глазами такие примеры «гуманизма» советской власти, как отказ в визе Мирре Ивановне, желавшей навестить родственников в Ленинграде, или невозможность для самой Ольги Антоновны приехать во Францию для завершения многолетних исследований (причем и здесь никаких расходов от государства не требовалось, так как Рождественские могли осуществить поездку и за свой счет). Вероятно, Лоты считали эти декларации вынужденными, продиктованными условиями существования в сталинском государстве — и, конечно, были правы, хотя, может быть, и недоучитывали присутствующий в них элемент самовнушения.

Письмо Ф. Лота от 25 декабря 1935 г. начиналось лирически:

«Дорогой друг,

Сегодня Рождество — не знаю, говорит ли это еще что-нибудь Вам, Рождество нежное и туманное, молочный туман над садом — садом, который более чем вероятно исчезнет через несколько месяцев, чтобы уступить место широкой дороге, которая прямо соединит соседнюю деревню с Парижем. Для Мирры Ивановны и меня это будет начало конца. Третий век моей жизни падет под ударами лесорубов, когда они начнут валить деревья. Частные интересы должны быть принесены в жертву прогрессу. Исчезнет место покоя и красоты <...> Куда идти? Мы еще не знаем. Париж, покинутый так давно, меня ужасает <...> Уходят друзья — Глотц, Пиренн, Сильвен Леви — и они незаменимы»¹²⁶. В этом же письме он рассказывал о работе над 2-м томом книги о варварских нашествиях и сообщал, что Раиса, незадолго до того вышедшая замуж, «вся погружена в свой медовый месяц».

1 января 1936 г. О. А. Добиаш-Рождественская писала «дорогим друзьям»: «Мы много думали о вас в декабре. Моя сестра, которой я ежедневно читаю вслух, выразила желание, чтобы в этом месяце я прочитала ей наши старые письма, сохранившиеся за 40 лет. Ее письма, замечательные своей спокойной жи-

¹²⁵ Bibliothèque de l'Institut de France. Ms. 7307. ff. 188–189.

¹²⁶ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 391. Л. 72–73. В старинном доме с садом в Фонтене-о-Роз Ф. Лот жил с начала XX в. до конца жизни. Гюстав Глотц (1862–1935) — французский эллинист; Анри Пиренн (1862–1935) — знаменитый бельгийский историк-медиевист. Сильвен Леви — см. выше.

вописностью, тонким остроумием и “юмором”, дают образы наших отца и матери, нашего брата и его первой жены — все они умерли. Мои письма сохранились в меньшем количестве. Но вся моя жизнь в Париже и Фонтене-о-Роз в 1908–1911, 1912, 1921–22, 1926 и 1929 гг. отражена в них. Я писала их сестре, которую интересовало все, даже незначительные интимные детали. Поэтому я эти детали приводила. И сколько бесконечно дорогого воскресили мне эти письма! В центре здесь находится семья Лот, она заполняет эти письма <...> И какими живыми, полными разных красок предстают ваши образы: Вы и дорогая М. И., наши вечера на балконе в свете луны, под таинственный шум друга-платана, наши философические беседы, наши смелые кухонные предприятия <...> Эти письма к сестре, полные парижского энтузиазма, представляют мои ученические годы и особенно моих дорогих друзей, — думаю, самых дорогих, какие были у меня в жизни, — портреты которых даны в свете глубокой симпатии и, временами, “ласковой насмешки”. Я хотела бы “завещать” их вам. Я уже было вложила их с этим намерением в конверт. Но тут меня остановили разные “жалкие” мысли... Во всяком случае, сейчас не время отправлять их вам. И я сделала надпись: “Сжечь или послать по адресу...”. Но по какому? Мой “душеприказчик”, найдет ли он возможность отправить их вам, и куда он должен будет отправлять их...?”¹²⁷.

Через месяц, 2 февраля 1936 г., Ольга Антоновна писала о том же известному русскому медиевисту Д. М. Петрушевскому: «Желанием моей сестры в эти месяцы было (она сама ведь читать не может), чтобы я ей перечла нашу переписку за минувшие 40 лет. Ее письма особенно хороши. Она чудесно писала их. С тонким юмором, с свободною живописностью. Наше с ней общее прошлое, образы умерших людей вновь воскресали. Мои к ней письма — сложнее и мудренее. Но и в них я многое пережила из своего, главным образом парижского, прошлого»¹²⁸. Никаких следов переписки О. А. Добиаш-Рождественской с сестрой в архивах не

¹²⁷ Bibliothèque de l'Institut de France. Ms. 7307. ff. 189 bis-ter.

¹²⁸ Из переписки О. А. Добиаш-Рождественской 1920–1930-х гг./ публ. Б. С. Кагановича // Отечественная история. 1992. № 3. С. 106. В этом же письме О. А. вспоминала, что «иной была судьба “дружеских” писем. На грани третьего десятка XX века, в три “посещения”, большая их часть у меня была отобрана, выисканная во всевозможных углах и не возвращена», после чего она «сожгла все, что оставалось».

сохранилось — вероятно, она была сожжена Рождественскими как слишком интимный документ.

Богато разнообразным содержанием следующее сохранившееся письмо Ф. Лота, датированное 6 сентября 1936 г. «Книга, о которой Вы мне сообщаете, “Агрикультура в средневековых текстах VI–XIV веков”, с факсимиле, чрезвычайно меня интересует. Я хотел бы попросить у Вас экземпляр. Следовало бы также послать ее в “Annales d’Histoire économique et sociale”, где она будет очень желательна, в “Bibliothèque des Ecole des Chartes”, в “Moyen Age”, в “Revue historique” и в “Revue belge de philologie et d’histoire”, в “Revue de synthèse historique”, — писал Лот¹²⁹. Сообщая далее, что его зять Борис успешно изучает японский язык и через два года сможет получить французское гражданство, Лот добавлял: «Моя свояченица Инна написала нам, что он легко сможет найти применение своим знаниям в России. Но у него слишком независимый характер, чтобы он смог жить у вас. Беспорядок, своего рода скрытая анархия во Франции больше подходят ему»¹³⁰. «М. И. восстановила свои силы и ревностно погрузилась в исследования, которые очень далеки от ваших, но увлекают ее», — продолжал Лот.¹³¹ В конце письма он сообщал: «Мы часто говорим о вас с бедной Раисой, которая скоро станет матерью. Какая смелость!».

В сентябре 1936 г. Ф. Лоту исполнялось 70 лет, и, очевидно, в начале этого месяца О. А. Добиаш-Рождественской было написано поздравительное послание, недатированная машинопись которого с рукописными вставками сохранилась в ее архиве:

Досточтимый учитель и дорогой друг.

Приближается дата Вашего «большого юбилея». В эти дни я думаю только о Вас. Вспоминаю ту часть Вашей жизни, которую я могла наблюдать, — то находясь очень близко от вашей работы и ваших интимных переживаний, то следя за ними издали, но всегда, так сказать, «изнутри». Этого не было, может быть, в последние годы, которые нас разделили <...> Как бы то ни было, у нас всегда остается то, что нас объединяет. Это наше прошлое. Чтобы воскресить его, я только что перечитала еще раз письма, которые писала тогда своим — интимный дневник моего пребывания в Париже.

Я познакомилась с Вами в прекрасную эпоху Вашей жизни. В самом начале Вашего девятого пятилетия, с уже установившейся репу-

¹²⁹ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 391. Л. 74.

¹³⁰ Там же. Л. 75.

¹³¹ Там же. С начала 1930-х гг. М. И. Лот-Бородина увлеклась изучением византийской теологии и мистики и опубликовала много работ в этой области.

тацией «выдающегося ученого», в начинающейся славе, Вы расширили тогда преподавание в Сорбонне и, особенно, в Школе высших исследований, главной арене Вашей деятельности <...> И каждый год ученый мир с радостным нетерпением предвкушал находки Фердинанда Лота — всегда такие новые и преисполненные глубочайших проникновений — чтобы аплодировать им. <...> В Вашей личной жизни 1908–1909 год, когда я познакомилась с Вами, был не менее знаменателен <...> Это было начало вашего брака... И сколько благодарных, волнующих и нежных воспоминаний связано у меня с этими золотыми годами! Наши семинары в гостеприимной комнате у лестницы Е, согретой лучезарной нежностью Ваших учеников <...> Ученики румынские, славянские, американские и «господа аббаты» питали к вам безграничное уважение... С горячей благодарностью вспоминаю Вашу помощь в написании «Приходской жизни»¹³², наши визиты к покойному «дорогому учителю»¹³³, сначала церемонные, а потом все более и более сердечные... Вспоминаю наши возвращения вдвоем в Фонтене в дождливые осенние дни, когда мы оба укрывались под Вашим большим зонтом. И потом, сколько веселья у очага в Фонтене, озаренного неиссякаемо радостным настроением М. И. Я так и вижу ее, тогдашнюю, как она хлопает в ладоши в восторге от какой-нибудь счастливой выдумки — по поводу ли ее исследований о Кретьене де Труа или ее стихов о Тристане, устройства ли замысловатых узлов, из которых складываются банты, украшающие *Diatonius*¹³⁴, или тонкостей какого-то кулинарного рецепта... Вспоминаю бесконечные философские разговоры на террасе сада при свете луны или у голубой фаянсовой печи в библиотеке Фонтене...¹³⁵.

В ответ на это прочувствованное послание Лот писал Ольге Антоновне 20 сентября 1936 г.:

Дорогой друг.

Ваше письмо или точнее, *epistola duplex*¹³⁶, пришло вчера и глубоко тронуло нас. М. И. пролила слезы. Вечером и сегодня мы говорили о прошлом. Вы правы: прошлое остается с нами. Воспоминание — это самый драгоценный дар природы. Без него мы были бы приведены к животному состоянию¹³⁷. Затем Лот переходит к современности и критически отзываясь о правительстве Народного фронта, незадолго до того пришедшем к власти во Франции: «Не удивительно, что социалистическое правительство, которое мы те-

¹³² Имеется в виду работа: *Dobiache-Rojdestvensky O. La vie paroissiale en France au XIIIe siècle d'après les actes épiscopaux.* Paris, 1911.

¹³³ Ш.-В. Ланглуа.

¹³⁴ Прозвище старшей дочери Лотов Ирен.

¹³⁵ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 269. Л. 6–7.

¹³⁶ Двойное письмо (*лат.*). Письмо О. А. Добиаш-Рождественской содержало приписку Д. С. Рождественского.

¹³⁷ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 391. Л. 77.

перь имеем, столь же беспечно и не в состоянии вести административные дела, как и предыдущие. Что касается парламента, то один мой ученик, избранный депутатом, раскрыл мне картины поистине чудовищной несостоятельности. Бедные существа, пришедшие к власти, — невероятные посредственности. Вместе с тем их жаль, особенно премьер-министра, это ученик чародея, который наколдовал потоп и не знает, как его остановить. Я когда-то был немного с ним знаком: это порядочный, умный, очень симпатичный человек. Он выдающийся литературный критик¹³⁸.

Новое правительство установило более жесткий предельный возраст для профессоров и преподавателей, в связи с чем Лот должен был вскоре выйти на пенсию. Интересна в этом письме и оценка историком его более молодых коллег: «Мы провели два дня в Страсбурге у моего ученика и друга проф. Эдмона Перрена, который, несомненно, является лучшим медиевистом Франции наряду с Альфаном и Марком Блоком»¹³⁹.

В предновогоднем письме Ф. Лота от 31 декабря 1936 г. читаем: «Медленными, но верными шагами пришла старость». Со дня на день вместе с другими достигшими предельного возраста профессорами он ждет отставки¹⁴⁰. При этом Лот признавал: «По Средним векам у нас будут отличные преемники: Альфан, Перрен или Фавтье»¹⁴¹. Переходя к домашним делам, он сообщал: «Борис получил французское гражданство, что позволит ему, наконец, зарабатывать на жизнь после службы в армии. Он успешно изучает японский язык и этнографию»¹⁴². Далее Лот писал: «М. И. была на днях у Раисы. Малышка очаровательная. Но положение ее родителей совершенно ненадежно. Пока я буду представителем Франции в *Glossarium mediae latinitatis*, она и Володя [Лосский — Б. К.] благодаря мне будут получать плату за свой труд. Но ведь я не всегда буду там, а что потом?»¹⁴³.

С 1937 г. переписка О. А. Добиаш-Рождественской с Лотами, как кажется, становится менее интенсивной, удивляться чему, конечно, не приходится, учитывая тогдашнюю обстановку в Советском

¹³⁸ Там же. Л. 78. Имеется в виду Леон Блюм.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Ф. Лот преподавал в Сорбонне до пасхальных каникул 1937 г. См.: *Perrin Ch.-E. Ferdinand Lot*. P. 60.

¹⁴¹ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 391. Л. 81.

¹⁴² Там же. Л. 82.

¹⁴³ Там же. Л. 83.

Союзе. Но их эпистолярное общение не стало менее сердечным и человечески содержательным.

14 сентября 1937 г. внезапно умер муж И. И. Любименко Владимир Николаевич. Несохранившееся письмо к Лотам по этому поводу Ольги Антоновны произвело на них сильное впечатление¹⁴⁴. Ф. Лот отвечал на него 24 октября: «Ваше прекрасное письмо, написанное в связи со смертью Любименко, глубоко взволновало нас. М. И. безутешна из-за кончины своего шурина, которого она знала сорок лет <...> Инна перенесла этот удар со своим обычным стоицизмом. Но она оцепенела от горя. Мы горячо желаем, чтобы она могла приехать и провести несколько месяцев у нас. Увы, это желание представляется химерическим. Кажется, что выезжать из вашей страны все труднее и труднее. Никто во Франции не понимает почему — и дают этому пессимистические объяснения — основательно или неосновательно»¹⁴⁵.

Вероятно к концу 1937 г. относится недатированное письмо О. А. Добиаш-Рождественской, описывающее тяжелое душевное состояние И. И. Любименко, с которой она регулярно встречалась. Далее она сообщала, что и у них в семье неблагополучно: врачи констатировали у Дмитрия Сергеевича сердечную аритмию и сама она чувствует себя нехорошо. Затем, чтобы «несколько изменить атмосферу», она красочно описывает необычайно снежную зиму этого года и «борьбу города со снегом» и пишет, что она читает в университете курс источниковедения Средних веков, а занятия по палеографии передала двум своим ученикам, работающим под ее руководством¹⁴⁶. Вероятно, несколько следующих ее писем не сохранилось.

16 июня 1938 г. Ф. Лот взволнованно писал О. А.: «Мы потрясены, подавлены плохими новостями о Вашем здоровье и здоровье ваших близких. Расстояние, невозможность увидеться еще более увеличивает наше беспокойство. Вспоминаю Ваше последнее пребывание во Франции... 9 лет! Возможно ли! Дети вспоминают наши прогулки в нормандской деревне. Эти маленькие девочки стали замужними женщинами¹⁴⁷, а младшая чуть ли не сегодня с волнением сдает экзамен по русскому языку в Школе восточных языков. А мы — четыре старых человека удрученные болезнями,

¹⁴⁴ Ср. ее письмо к И. И. Любименко от 17 сентября 1937 г. // Добиаш-Рождественская О. А. Культура западноевропейского средневековья. С. 282–283.

¹⁴⁵ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 391. Л. 85–86.

¹⁴⁶ Bibliothèque de l'Institut de France. Ms. 7307. ff. 190–192.

¹⁴⁷ Марианна Лот вышла замуж в октябре 1936 г.

немощами, заботами. Мы тогда еще рассчитывали вновь увидеться с Вами, посетить Мон Сен-Мишель, от чего Вы отказались из-за щепетильности... трогательной и абсурдной! События решили по-другому. Но что наши несчастья перед лицом конвульсий, которые сотрясают Европу и мир?»¹⁴⁸.

Более прямо и эмоционально о наступлении фашизма и «европейской ночи» конца 1930-х гг. писала Ольге Антоновне Мирра Ивановна. 24 февраля 1938 г.: «Политические события, за которыми я слежу с большим волнением и очень зорко, еще более удручают — несчастная Испания, Китай, теперь Австрия, наглое торжество тоталитарных государств и отступление европейских демократий по всей линии — все не дает покоя измученной душе, несмотря на то, что она обрела среди испытаний свое внутреннее равновесие и больше не ропщет. Наша современность еще не финал мировой истории»¹⁴⁹. 16 мая 1938 г.: «О том, что творится в мире, лучше не будем говорить, хотя мы на сей раз, наверное, в одном лагере — несчастная Австрия после Испании и Китая! Впрочем, последний едва ли будет проглочен японской акулой, да и республиканская Барселона далеко не стерта с европейской карты. Самое для меня страшное это наглое торжество национал-социализма, точнее расизма, который представляется мне величайшим злом. Положение несчастных евреев в Вене воистину кошмарное и грустно думать о страданиях и унижениях, ими почти везде переживаемых»¹⁵⁰.

26 августа 1938 г. Ольга Антоновна просила Лотов прислать необходимые лекарства и сообщала, что осенью они с Дмитрием Сергеевичем проведут месяц в крымском санатории¹⁵¹. В письме от 22 сентября 1938 г., посланном из Крыма в дни чехословацкого кризиса, завершившегося Мюнхенским соглашением, она горячо благодарит друзей за присланные лекарства, за «все», и говорит о «кровоточащей ране моего сердца, в связи с двумя моими вторыми родинами: Францией и страной моих предков»¹⁵² <...> Я не знаю ни отдыха, ни сна»¹⁵³.

¹⁴⁸ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 391. Л. 87–88.

¹⁴⁹ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 395. Л. 37.

¹⁵⁰ Там же. Л. 42 об.

¹⁵¹ Bibliothèque de l'Institut de France. Ms. 7307. ff. 197 bis-ter.

¹⁵² Как известно, О. А. Добиаш-Рождественская происходила из чешской семьи, переехавшей в Россию незадолго до ее рождения.

¹⁵³ Bibliothèque de l'Institut de France. Ms. 7307. f. 197 quater.

Ответом была открытка Ф. Лота от 2 октября 1938 г., направленная в Крым. В ней выражалась надежда на лучшее и горячие пожелания успешного лечения. Это последнее письмо Лота к О. А., сохранившееся в архиве. В нём имеется приписка по-русски М. И. Лот-Бородиной: «Мы скорбим о Чехословакии и стыдимся за Францию»¹⁵⁴.

Последнее сохранившееся письмо Ольги Антоновны, без обозначения даты, относится к ранней весне 1939 г. и сообщает о смерти Марии Антоновны, скончавшейся примерно за месяц до отправления этого письма. Ввиду резкого ухудшения состояния здоровья Дмитрия Сергеевича и ее самой, «мысль о том, что мы уйдем и оставим ее одну в этом мире на милость неизвестно кого, была ужасна», — признавалась Ольга Антоновна и, пожалуй, такая смерть сестры была благодеянием. «И, однако, это бесконечно печально».

К письму дрожащей рукой сделана приписка на русском языке:

Дорогая моя, бесценная Мирра Ивановна!

Я имела Ваше дорогое письмо. Я все время собиралась на все, на все в нем ответить. Но тут начался грипп у сестры, который привел ее к застойности в легких и к концу. Лучше, что она ушла до нас — и все-таки так горько, так трудно. Мечусь и опять больна. И все же, как хорошо, что у нас есть Ваши лекарства. Спасибо!

Ваша всей душой.

ОДР

Простите, что пишу так нескладно. Ужасно трудно, ужасно тяжело. Все мысли путаются¹⁵⁵.

Мирра Ивановна ответила 24 марта 1939 г.:

Родная, бедная моя Ольга Антоновна!

Только сегодня из Вашего заказного письма узнали мы о кончине Марии Антоновны и о тяжелой, как всегда, врачам непонятной болезни Дм. Серг-ча... Мы живем в ужасном варварском веке, вечно на вулкане, по милости дикого фашизма, хотя я, признаюсь, с осени была уверена, что никому из соседей Гитлера не сдобровать: он и его сподвижники после Мюнхена и капитуляции демократий окончательно обнаглели, а сейчас сорвали все маски, от наших наивных «правителей» скрывавших доселе истинный лик Зверя. Гибель Чехословакии только второй акт сей трагедии, но для вас лично, вероятно, самый мучительный. Все же о судьбе коренной своей родины Вам опасаться нечего, ибо Советский Союз нельзя раздавить немецким каблуком. И, может быть,

¹⁵⁴ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 391. Л. 89.

¹⁵⁵ Bibliothèque de l'Institut de France. Ms. 7307. ff. 197 quinq.-sixties

именно там произойдет окончательный крах нового колосса на глиняных ногах. Но прекрасная, милая Франция!.. Да, для Марии Антоновны роковая развязка во благо, да и близким лучше перенести ее потерю, чем видеть жизнь духовно угасшую и все-таки продолжающуюся. Но смерть как нечто непоправимое и безжалостное всегда так жутка... О, моя дорогая, Вы такой большой сильный человек, давно принявший неизбежную трагедию бытия (помните наши споры, где я была идиллически настроенной оптимисткой?), давно внутренне ее оправдавший, Вы должны еще жить, «чтоб мыслить и страдать» и, быть может, чтоб увидеть воочию ту новую мировую зарю, приближение которой вы оба приветствовали¹⁶⁰.

Была еще последняя открытка М. И. Лот-Бородиной от 17 мая 1939 г., в которой выражалась радость, что «здоровье Д. С. улучшилось, и вы едете отдыхать на лоно природы, в любимую северную деревню»¹⁶¹.

Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская скончалась 30 августа 1939 года.

¹⁶⁰ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 395. Л. 38–40.

¹⁶¹ Там же. Л. 43.